

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с. [E. V. Paducheva. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 304 p.] (Studia philologica.) ISBN 978-5-9551-0675-1.

Игорь Михайлович Богуславский

Igor M. Boguslavsky

Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН, Москва, 127051, Российская Федерация; Мадридский политехнический университет, Мадрид, 28040, Испания
bogus@iitp.ru

Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences, Moscow, 127051, Russian Federation; Universidad Politécnica de Madrid, Madrid, 28040, Spain
bogus@iitp.ru

В творчестве Елены Викторовны Падучевой тема отрицания занимает почетное место. Первая ее работа на эту тему, «Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке», вышла еще в 1969 г. в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика» [Падучева 1969]. Затем последовала книга «О семантике синтаксиса» [Падучева 1974], которая заложила основу изучения отрицательных предложений на много лет вперед. В ней было детально описано то, что теперь принято называть стандартным отрицанием. С тех пор Елена Викторовна много раз вплоть до самого последнего времени обращалась к тематике отрицания как в книгах, так и в нескольких десятках статей. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что отрицание является одной из тем, которые не отпускают Елену Викторовну на протяжении нескольких десятилетий и над которыми она продолжает размышлять. Поэтому неудивительно, что в своей книге 2013 г. «Русское отрицательное предложение» она предприняла попытку обобщить, систематизировать и осмыслить с единых позиций основные результаты, которые на сегодняшний день имеются в области русского отрицания и большая часть которых получена ею самой.

«Русское отрицательное предложение» по праву может считаться энциклопедией русского отрицания. Здесь представлен обширный, если не исчерпывающий, список специфических конструкций и явлений, возникающих в русском языке в контексте отрицания. Идиоматичность (значение отрицательного элемента, отличное от 'неверно, что'), способность отрицания по-разному взаимодействовать с различными элементами предложения, отрицание и генитив, отрицание и имперфектив, отрицательная поляризация, внутрисловное отрицание, подъем отрицания, отрицание и малый синтаксис — вот неполный список тем, обсуждаемых в книге. Надо сказать, что разные темы изложены с разной степенью подробности. Некоторые аспекты, которые нельзя обойти в монографическом описании, но по поводу которых автор не собирается сообщать читателю принципиально новых сведений, изложены конспективно. Так, первые три главы, которые можно считать вступительными и которые называются «Отрицание в логике и в лингвистике», «Средства выражения отрицания в русском языке» и «Семантические типы отрицательных предложений: общее и частное отрицание» соответственно, содержат от одной до трех (sic!) страниц каждая. Зато глава 6 «Генитив отрицания» вместе с примыкающими к ней экскурсами изложена на 82 страницах.

Перейдем к основному содержанию книги. Глава 4 «Сфера действия отрицания. Презумпция и ассерция. Снятая утвердительность» посвящена наведению порядка в понятийном аппарате, используемом для описания предложений с отрицательными элементами.

В ней дается обзор взглядов на ключевое понятие, необходимое для анализа отрицательных предложений, — понятие презумпции (имеющее более привычный для многих терминологический вариант «пресуппозиция»). Важность этого понятия для семантики отрицательных предложений трудно переоценить: пресуппозиция — это тот компонент значения, на который не может воздействовать отрицание, в отличие от противопоставленной ей ассерции, непосредственно подвергающейся отрицанию. Хорошо известно, что у понятия пресуппозиции есть не только семантический, но и прагматический аспект: если в предложении ложная ассерция, то такое предложение само является ложным, однако если ложной оказывается пресуппозиция, то предложение становится бессмысленным и вызывает коммуникативный провал. Хуже известно восходящее к У. Вайнрайху важное понятие контекста снятой утвердительности — такого, где пропозиция имеет нейтральную модальность и говорящий не несет ответственности за истинность пропозиции. Контекст снятой утвердительности создают номинализация, инфинитив, будущее время, косвенные наклонения, модальные слова, отрицание, вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы, а также некоторые другие единицы. В книге показывается, что контекст снятой утвердительности играет важную роль при описании нереперентных неопределенных местоимений типа *какой-нибудь*, отрицания в глагольно-адвербиальных комплексах и предложений с кванторными словами.

Глава 5 описывает синтаксические типы общеотрицательных предложений. Здесь проводится строгое различие между семантическими и синтаксическими понятиями. Семантическое противопоставление — общее vs. частное отрицание — касается сферы действия отрицания независимо от позиции отрицательного слова в предложении. В общеотрицательных предложениях нет ни одного фрагмента смысла, который не входил бы в сферу действия отрицания. Напротив, в частноотрицательных предложениях такие фрагменты, естественно, есть. Синтаксическое противопоставление — предикатное отрицание (при финитном глаголе) vs. присловное отрицание (при прочих словах) — относится к позиции отрицания в предложении независимо от его сферы действия. Долгое время считалось, что эти противопоставления совпадают: в общеотрицательных предложениях отрицание стоит при сказуемом, а в частноотрицательных — при других словах. Однако этого совпадения нет, и возможны все четыре варианта: общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием (*Петя не приехал* ‘неверно, что Петя приехал’), частноотрицательные предложения с предикатным отрицанием (*Почему Петя не приехал?* ‘почему неверно, что Петя приехал?’), общеотрицательные предложения с присловным отрицанием (*Петя не всегда приезжает* ‘неверно, что Петя приезжает всегда’) и частноотрицательные предложения с присловным отрицанием (*Почему Петя не всегда приезжает?* ‘почему неверно, что Петя приезжает всегда?’).

Базовое правило построения русского общеотрицательного предложения состоит в том, что «отрицание присоединяется к слову, которое соответствует **семантической вершине** исходного предложения, т. е. главному синтаксическому оператору, который участвует в его построении» (с. 43). В обычном случае таким оператором является личный глагол или предикатив, поэтому отрицание присоединяется к нему. Однако имеется несколько других классов слов, которые могут быть семантической вершиной предложения и, следовательно, могут присоединять к себе отрицательную частицу; в частности, таковы многие адвербиалы. Е. В. Падучева опирается здесь на то обстоятельство, что направление семантической связи между глаголом и адвербиалом противоположно направлению синтаксической связи между ними. Если синтаксически адвербиал подчиняется глаголу, то семантически он занимает более высокую позицию. Так, в предложении *Иван звонил не вчера* положение отрицательной частицы при адвербиале *вчера* объясняется тем, что в исходном утвердительном предложении *вчера* является предикатом второго порядка, актантом которого является предикация *Иван звонил*.

Мне кажется, что увязывание постановки отрицательной частицы при адвербиале с его более высокой семантической позицией относительно глагола — подход уязвимый. Дело в том, что в предложениях с адвербиалом в теме отрицание стоит все же при глаголе: *Вчера*

Иван не позвонил. Это заставляет автора постулировать в подобных предложениях специальную синтаксическую перестройку, в ходе которой «адвербиал может как бы перейти из сирконстантов в актанты глагола» (с. 45) и благодаря этому перестать семантически подчинять глагол. На мой взгляд, для такой перестройки нет оснований. Даже когда адвербиал *вчера* находится в позиции темы, он не перестает характеризовать время пропозиции ‘Иван не позвонил’, а у глагола *звонить* не увеличивается количество валентностей. Более простое объяснение фактов состоит в том, что отрицательную частицу притягивает к себе релативный компонент предложения. Отрицание стоит при адвербиале, когда именно он является ремой (*Иван звонил не вчера*), и при глаголе — когда в реме глагольная группа (*Вчера Иван не позвонил*).

В главе 5 рассматривается несколько видов нестандартного отрицания. Глобальное отрицание глагольно-адвербиального комплекса (в другой терминологии — отрицание с расширенной сферой действия) возникает, когда в сферу действия отрицания входит не только глагольная предикация, но и адвербиал. Это часто происходит в контексте снятой утвердительности, например, *Он обещал резко не тормозить*, и в контексте с семантикой ожидания, как в предложении *Трамвай не остановился, чтобы высадить пассажиров*. Смещенное предикатное отрицание в предложениях с глагольно-адвербиальным комплексом можно видеть тогда, когда отрицание стоит при глаголе, а в действительности воздействует на адвербиал, который при этом находится в позиции контрастной темы и маркируется интонационно: *План ↑полностью не продуман*. К ситуациям смещения, отмеченным в «Русском отрицательном предложении», хотелось бы добавить обязательное смещение отрицания к предлогу:

- (1) *Сел не в свой автомобиль* (‘сел в не-свой автомобиль’).
 (2) *Это предназначено не для тебя* (ср. *Это предназначено не тебе*).

Одна из самых интересных разновидностей нестандартного отрицания — это отрицание, которое Е. В. Падучева называет радикальным и которому в книге уделяется значительное внимание. Оно выступает во фразах типа (3), имеющих значение ‘не вернулся и тем самым не порадовал’:

- (3) *Иван не порадовал нас своим возвращением*.

Интересная особенность таких фраз состоит в их необычном соотношении с предложением без отрицательной частицы. В самом деле, в предложении (4) предикация ‘Иван вернулся’ является пресуппозицией, поскольку истинна как в утвердительном, так и в стандартном отрицательном предложении:

- (4) *Иван порадовал нас своим возвращением*.

При радикальной интерпретации отрицания отрицается не только ассерция этого утвердительного предложения (‘порадовал’), но и его пресуппозиция (‘вернулся’), что само по себе весьма необычно. В книге предлагается весьма изощренное объяснение этого явления, складывающееся из коммуникативной перестройки исходного утвердительного предложения и действия контекстной идентифицирующей импликатуры (‘вернуться — значит порадовать’). За счет коммуникативной перестройки происходит изменение статуса пропозиционального актанта с презумптивного на ассертивный, а идентифицирующая импликация приводит к изменению статуса пропозиции каузативного глагола с презумптивного на импликативный. Такая конструкция позволяет обойтись без неприятной необходимости признать, что в подобных предложениях отрицается пресуппозиция. Пресуппозиция здесь не отрицается, поскольку она уже превратилась в ассерцию: «в предложении, которое является исходным утвердительным при радикальном отрицании, не только пропозициональный актант Р [‘вернулся’ — *И. Б.*] меняет статус презумпции на статус ассерции, но и компонент Q [‘порадовал’ — *И. Б.*] меняет статус презумпции, который был бы положен ему при чисто коммуникативной перестройке, и становится **импликативом** <...>: *Иван не порадовал нас*

своим ↓возвращением = НЕВЕРНО, что (Иван вернулся, тем самым нас порадовал) = Иван не вернулся, тем самым нас не порадовал» (с. 63).

При всей привлекательности такого объяснения оно вызывает следующее сомнение. За исходный пункт принимается утвердительное предложение (4), отличающееся от предложения (3) с радикальным отрицанием тем, что в нем нет отрицательной частицы. Именно это предложение подвергается коммуникативной перестройке и превращается в предложение (5).

(5) *Иван вернулся, тем самым нас порадовал.*

Между тем (4) является исходным для радикально отрицательного предложения (3) только внешне (в одном из них есть отрицательная частица, а в другом нет). Семантически исходным утвердительным предложением для (3) является (5), и именно соотношение (5) → (3) составляет естественный предмет лингвистических правил. Иными словами, остается непонятым, почему и в рамках какой задачи необходимо соотносить (3) именно с (4) и тем самым постулировать коммуникативную перестройку, приводящую к превращению (4) в (5).

Взаимодействию отрицания с морфологической семантикой посвящена глава 6 «Генитив отрицания» и примыкающие к ней три экскурса. Это самая насыщенная материалом часть книги. В нее вошли в переработанном виде семь журнальных статей Е. В. Падучевой разных лет, а в приложении дается представительный список из более трехсот генитивных глаголов. Родительному падежу на месте именительного и винительного посвящена огромная литература. Отталкиваясь от нее, автор предлагает и тщательно обосновывает цельную концепцию генитива при отрицании, основные положения которой таковы.

1. Генитивная конструкция при отрицании имеет отчетливый семантический инвариант: «X-а нет в мире / в поле зрения наблюдателя / в личной сфере субъекта сознания или восприятия». «Наблюдаемое отсутствие» — один из важнейших концептов, значимых для русской картины мира. Условия употребления этой конструкции могут быть описаны в семантических терминах.
2. Все глаголы, допускающие генитивную конструкцию, объединяются тем, что в их состав входит один из двух семантических компонентов: экзистенциальный или перцептивный. Этот компонент должен обладать таким коммуникативным статусом, который допускает отрицание (ассерция или импликация).
3. В контексте глагола существования генитив субъекта выражает несуществование, а номинатив — конкретную референцию субъекта. В контексте предиката восприятия генитив может выражать не только несуществование, но и отсутствие в поле зрения. Благодаря включению в рассмотрение глаголов со значением восприятия оказалось возможным ослабить ограничение на статус именной группы субъекта. Предикат восприятия совместим с конкретно-референтным статусом (*Маши дома не оказалось*). В случае генитива объекта общая идея остается той же, но правило выбора падежа зависит от большего количества условий.
4. Генитивная конструкция может иметь форсированные употребления под давлением контекста и при негенитивном глаголе. С другой стороны, имеются факторы, препятствующие употреблению генитива и при генитивном глаголе.
5. В семантике конструкции с генитивным субъектом глагола *быть* в локативном значении имеется наблюдатель — субъект восприятия, занимающий определенное место в пространстве ситуации. Это является редким проявлением прямой эвиденциальности в русском языке: отсутствие объекта засвидетельствовано наблюдателем, находящимся в том же месте.
6. Выбор падежа (номинатив или генитив) в ряде случаев определяется концептуализацией ситуации со стороны говорящего, касающейся положения наблюдателя. Тем самым, оказалась разорвана казавшаяся незыблемой связь отрицательных предложений с трансформацией отрицания: в отрицательном предложении есть смысл, которого не было в исходном утвердительном (не считая самого отрицания).

Преодоление трансформационного подхода к отрицанию уже на другом материале демонстрируется и в главе 7 «Имперфектив отрицания», тоже связанной с морфологической тематикой. В рамках этого подхода считается, что переход от утвердительного предложения к отрицательному сопровождается (обязательно или факультативно) заменой совершенного вида глагола на несовершенный, так же, как и именительного / винительного падежа имени на родительный. Недостаток этого подхода состоит в том, что он не позволяет описать и объяснить особенности семантики видовых форм. А такое описание должно опираться на номенклатуру частных видовых значений. В «Русском отрицательном предложении» излагается многокомпонентная концепция вида, согласно которой частные видовые значения имеют несколько источников: собственное грамматическое значение, лексически обусловленное значение, синтаксически обусловленное значение, значение, обусловленное режимом интерпретации (нарративом) и дискурсивной функцией. Эта разветвленная система значений в сочетании с классификацией самих глаголов позволяет на новом уровне ответить на вопрос о том, в каких частных видовых значениях выступает имперфектив под отрицанием и в каких условиях он взаимозаменяем с перфективом. Например, в предельных конативах совершенного вида компонент 'действовал с целью' находится в пресуппозиции, в то время как в несовершенном виде он составляет ассерцию. Поэтому такие аспектуальные пары всегда противопоставлены, см. *не решил ≠ не решил*. При этом в предельных неконативных глаголах в совершенном виде отрицается не только результат, но и само действие, что порождает возможность синонимии с несовершенным видом, см. *не читал ≈ не прочитал*.

Красивое соотношение перфектива и имперфектива наблюдается в отрицательном модальном контексте. Рассматриваются две основных модальности — возможность и необходимость, у каждой из которых есть четыре разновидности: внутренняя, внешняя, деонтическая и эпистемическая. Все эти модальности ставятся в одни и те же условия: в утвердительном предложении подчиненный модальному слову инфинитив стоит в совершенном виде (например, *Ты должен уйти*). Задается вопрос: что происходит с видом этого инфинитива при отрицании модальности? Корпусные данные показывают, что модальности возможности и необходимости с этой точки зрения ведут себя существенно по-разному. В случае модальности возможности совершенный вид переходит в несовершенный только в деонтической разновидности (*Здесь можно перейти улицу — Здесь нельзя переходить улицу*). Остальные три разновидности возможности сохраняют при отрицании совершенный вид инфинитива. При модальности долженствования картина обратная: в трех разновидностях долженствования происходит переход совершенного вида в несовершенный, и только в одной (эпистемической) совершенный вид остается неизменным (*Иван мог ошибиться — Иван не мог ошибиться*).

Глава 8 посвящена соотношению отрицания и лексической семантики. Здесь сводятся воедино несколько классов ситуаций, когда для понимания функции отрицания приходится принимать во внимание те или иные компоненты лексического значения. Обсуждаются такие явления, как воздействие отрицания на актантную структуру глагола (*не доехал двух километров*), отрицательная поляризация в связи с местоимениями на *бы то ни было*, внутрисловное отрицание, подъем отрицания, частицы-двойственники (типа *еще / уже*) и отрицание с нестандартной сферой действия. По каждой из этих тем читателю предлагается не только краткий обзор имеющихся результатов, но и нередко некоторое продвижение вперед. Выскажем несколько мелких замечаний.

Внутрисловным называется такое отрицание, которое входит в толкование какого-либо слова. Среди приводимых примеров есть вполне прозрачные (типа *отказаться* или *прекратить*), но есть и такие, в которых наличие компонента 'неверно' не совсем очевидно, например, наречие *вдали*, которое означает 'на большом расстоянии от чего-то'. На с. 226 сообщается, что «контрарное отрицание не является синтаксически автономным, и поэтому не удивительна невозможность употребления отрицательного местоимения *никакой* [в его контексте]». Здесь явно пропущено какое-то уточнение, поскольку стандартным примером контрарного отрицания является именно синтаксически автономное отрицание: *Альфред не любит современную музыку <никаких новшеств>* (с. 19). Наконец, в связи с проблемой

добавления новой валентности под воздействием отрицания (*не доехал двух километров*) хотелось бы обратить внимание на недавнюю работу [Л. Иомдин, Б. Иомдин 2013], в которой приводится новый разнообразный материал по этой теме.

Последняя, 9-я, глава обсуждает поведение отрицания в конструкциях малого синтаксиса: в противопоставительной конструкции, в вопросительном предложении и в конструкции с имплицитным отрицанием. Мне ближе всего первая из этих тем, и поэтому я остановлюсь на ней подробнее.

Противопоставительная конструкция — это конструкция, в которой наряду с отрицательной частицей присутствует или подразумевается союз *а*: *Нет, не тебя так пылко я люблю*. Давно замечено, что многие эффекты, свойственные отрицательным конструкциям, в контексте противопоставления ослабевают или полностью снимаются. Например, замена слова с отрицанием на антоним допустима только вне противопоставительного контекста, см. *Ваня не спит* ≈ *Ваня бодрствует*, но *Ваня не спит, а притворяется* (**Ваня бодрствует, а притворяется*). В книге перечисляются многие из этих эффектов. Стоило бы добавить, что это разрушительное воздействие противопоставительного контекста имеет простое объяснение: дело в том, что различия между противопоставительным и непротивопоставительным (нейтральным) отрицанием в значительной мере сводятся к различиям в их сфере действия [Богуславский 1985: 61—82]. Огрубляя их можно сформулировать так. Эксплицируем актуальное членение предложения посредством расщепленной конструкции с предикатом идентификации: *Ваня уснул* ‘то, что сделал Ваня (тема), есть уснул (рема)’, ср. *Уснул Ваня* ‘тот, кто уснул (тема), есть Ваня (рема)’. В этом случае можно сказать, что сфера действия нейтрального отрицания лежит внутри либо тематического, либо рематического компонента значения, в то время как противопоставительное отрицание воздействует непосредственно на предикат идентификации, соединяющий тему и рему, например:

- (6) *Ваня не уснул* ‘то, что сделал Ваня, есть не уснул’ (отрицание в составе ремы; противопоставления нет),
- (7) *Не уснул Ваня* ‘тот, кто не уснул, есть Ваня’ (отрицание в составе темы; противопоставления нет),
- (8) *Уснул не Ваня* ‘тот, кто уснул, не есть Ваня’ (отрицается предикат идентификации; есть противопоставление).

Отсюда ясно, почему в случаях (6) и (7) замена *не уснул* на *бодрствует* возможна, а в случае (8) — нет: в нейтральном контексте в сферу действия отрицания входит предикат ‘уснул’, а в противопоставительном — утверждение об идентичности того, кто уснул, и Вани. Аналогичные рассуждения объясняют и остальные различия в поведении нейтрального и противопоставительного отрицания.

Любопытно, что в некоторых противопоставительных предложениях отрицается не просто идентификация, а метаязыковой предикат названия. Например, фраза *Мы не пьем, а дезинфицируем душевные раны* говорит не о том, что имеет место не одно действие, а другое (как в случае *Не спим, а работаем*), а о том, что данное действие правильно называть не одним способом, а другим.

Работы Е. В. Падучевой играют для меня особую роль. Не могу сказать, что я всегда соглашась со всеми утверждениями, которые в них содержатся. Конечно, в них всегда немало точных наблюдений и бесспорных утверждений, которые можно только с удовольствием заносить в копилку новых знаний. Но не меньшую ценность имеют для меня и те фрагменты сочинений Е. В. Падучевой, которые «царапают» — вызывают несогласие (или неполное согласие) и приглашают к спору. Размышления над такими фрагментами, бывает, приводят к тому, что вещи, о которых я и не подозревал, что они мне непонятны, становятся яснее. А бывает, что орешек оказывается слишком крепким и вопрос так и остается открытым и продолжает манить. Однако в любом случае каждая работа Е. В. Падучевой — это свежий и часто неожиданный взгляд на проблему, выводящий наши знания на новый уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985. [Boguslavsky I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov* [Studies in syntactic semantics: Spheres of logical words]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Л. Иомдин, Б. Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л, Иомдин. Б. Л. Отрицание и валентности в русском языке (по корпусным данным) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2013». СПб: Издательство СПбГУ, 2013. С. 281—291. [Iomdin L. L, Iomdin. B. L. Negation and valencies in Russian (a corpus-based study). *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2013»*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2013. Pp. 281—291.]
- Падучева 1969 — Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12. С. 5—35. [Paducheva E. V. Semantic analysis of negative sentences in Russian. *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika*. 1969. No. 12. Pp. 5—35.]
- Падучева 1974 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. [Paducheva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax. Materials for a transformational grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1974.]

F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze (eds). Borrowed morphology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. vi + 310 p. (Language contact and bilingualism. Vol. 8.) ISBN 978-1-61451-556-2.

Наталья Марковна Стойнова

Natal'ya M. Stoinova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation

stoinova@yandex.ru

stoinova@yandex.ru

Рецензируемый сборник посвящен проблематике морфологических заимствований: известно, что если лексика (по крайней мере, некоторая ее часть) заимствуется из языка в язык легко и повсеместно, то заимствования в области деривационных показателей и особенно словоизменения — явление более редкое и требующее особого объяснения. Примеры подобных заимствований и стоящие за ними механизмы с разных точек зрения обсуждаются в настоящем сборнике.

Открывает его большая вводная статья, написанная редакторами сборника. Статья содержит, в частности, подробнейший обзор работ о морфологических заимствованиях, а также о заимствованиях и языковых контактах в целом. Библиографический список к ней включает около ста пунктов — от общих исследований классиков, таких как Боас, Сепир, Мейе, Якобсон, Трубецкой, до очень частных работ, описывающих конкретные случаи морфологического заимствования, опубликованных в труднодоступных изданиях. В начале статьи редакторы формулируют основные задачи, стоявшие перед ними при подготовке сборника. Они отмечают, что к настоящему моменту накоплено достаточно много разрозненных эмпирических наблюдений о заимствованиях в области морфологии, при этом глобальных обобщений, позволяющих объединить все эти наблюдения в стройную систему, по-прежнему недостает.

Основной своей целью редакторы и авторы сборника видят, таким образом, интеграцию имеющихся эмпирических данных и их глобальную ревизию с общетеоретических позиций. Формат сборника самодостаточных статей отчасти упрощает эту задачу. В частности, он позволяет привлечь максимум разнообразных методов, точек зрения и подходов к одному и тому же или сопоставимым предметам. Соответственно, сборник содержит статьи